„Пров 4

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

КО ВСѢМЪ РАБОТНИКАМЪ

РЕВОЛЮЦІОННАГО СОЦІАЛИЗМА

ВЪ РОССІИ

БЕРНСК. ГРУППА
РОС. СОЦ.-ДЕМ. РАБ. ПАРТІИ

ОТЪ КРЕСТЬЯНСКАГО СОЮЗА
ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

ТИПОГРАФІЯ ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ
1902

ПВ „Пров 38“
„Пров 49“

·1шк
пс-р
К

225207

БЕРНСК ГРУППА
РОС.СОЦ.ДЕМ.РАБ.ПАРТІИ

ОТЪ КРЕСТЬЯНСКАГО СОЮЗА

ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

КО ВСѢМЪ РАБОТНИКАМЪ РЕВОЛЮЦІОННАГО СОЦІАЛИЗМА ВЪ РОССІИ.

---

40 лѣтъ тому назадъ революціонная организація «Земля и Воля» (1862 — 1863) впервые подняла въ Россіи красное знамя соціальной революціи, выступили первые ея борцы, пали первыя жертвы... Немного рукъ держали это великое знамя, но были то самоотверженныя и неутомимыя руки. И двинулось оно черезъ длинный рядъ пораженій къ побѣдѣ. Страдальчески провлачилось оно въ темныхъ тогда массахъ крестьянства, облилось оно кровью въ геройскомъ единоборствѣ съ самодержавіемъ и, наконецъ, дотянулось до мощныхъ рукъ рабочаго народа. И вотъ настало для Россіи послѣ долгаго безвременья, свѣтлое, яркое время: соприкосновеніе съ передовыми рядами рабочаго народа составляетъ для революціоннаго авангарда то же, что для богатыря въ сказкѣ прикосновеніе къ матери сырой землѣ: силы революціоннаго соціализма въ Россіи удесятеряются.

Прошло для насъ безвозвратно то страшное время, когда послѣ крупныхъ битвъ, послѣ тяжкихъ кровопусканій у насъ расходъ силъ далеко превышалъ ихъ приходъ, и цѣлыми годами партія, обезсиленная, почти не двигалась, тяжело, съ мучительными усиліями собирая свѣжихъ борцовъ. Теперь, когда открылись мощные родники рабочихъ массъ, когда изъ нихъ притекаютъ подъ знамя соціальной революціи уже не отдѣльныя слабыя капли, а бьютъ мощныя и быстрыя струи, — теперь никакой полицейскій терроръ намъ не страшенъ, теперь мы можемъ только усиливаться и крѣпнуть съ каждымъ годомъ. Но чѣмъ больше наша си-

ла, тѣмъ тяжелѣе лежащая на насъ отвѣтственность за цѣлесообразное ея расходованіе.

Вотъ почему это новое положеніе требуетъ тщательнаго пересмотра всѣхъ старыхъ программъ, безпощадной критики всѣхъ обветшалыхъ догматовъ, безотлагательнаго и рѣшительнаго приспособленія нашихъ дѣйствій къ ускорившемуся и усложнившемуся движенію самой жизни.

Мы, основатели „Крестьянскаго Союза Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ", въ результатѣ такого критическаго пересмотра программъ примѣнительно къ новымъ условіямъ, пришли къ тому заключенію, что условія эти позволяютъ, а стало быть и требуютъ, расширенія нашего воздѣйствія на всѣ трудовыя массы, а въ томъ числѣ и на крестьянство*), и введенія въ программу борьбы всѣхъ средствъ отъ мирной пропаганды до вооруженныхъ террористическихъ нападеній на самодержавіе включительно. Въ истекшіе 40 лѣтъ мы, русскіе соціалисты-революціонеры, дѣйствуя въ холодной, мало отзывчивой общественной средѣ, принуждены были со своими слабыми силами бросаться то въ одну, то въ другую сторону, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать систематически и планомѣрно во всѣхъ направленіяхъ. Хотя въ программахъ народниковъ и народовольцевъ и были перечислены чуть не всѣ общественные слои и группы, какъ подлежащіе революціонному воздѣйствію, но въ дѣйствительности у первыхъ всѣ силы ушли на крестьянство (и частью на городскихъ рабочихъ), а у вторыхъ—на террористическую борьбу (и тоже только сравнительно въ слабой степени на пролетаріатъ). Соціаль-демократическое же движеніе 90-хъ г. уже и въ программѣ своей рѣшительно замкнулось въ той узкой сферѣ городского пролетаріата, которая и догмой этой партіи, и еще болѣе — условіями самой дѣйствительности отмежевывалась тогда, какъ единственная доступная для

*) Разъ на всегда оговоримся, что вездѣ, гдѣ мы говоримъ о крестьянствѣ, мы разумѣемъ не крестьянское с о с л о в і е, не юридическую категорію, обнимающую цѣлый рядъ весьма различныхъ слоевъ, съ весьма различными интересами — а крестьянство, какъ категорію экономическую; слѣдовательно, кромѣ сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, мы выдвигаемъ особый классъ рабочихъ людей, не разлученныхъ съ средствами производства, и потому ф о р м а л ь н о отличающихся отъ чистыхъ пролетаріевъ.

всѣхъ тѣхъ, кто отказывался отъ продолженія террористической борьбы съ самодержавіемъ (поэтому и „соціалисты-революціонеры“ 90-хъ годовъ болѣе теоріей, чѣмъ практикой отличались отъ соціалъ-демократовъ). Вотъ эти-то вынужденные слабостью силъ скачки отъ одной среды и системы къ другой и должны замѣниться теперь, когда силы наши такъ мощно возрасли и будутъ расти все быстрѣе, одновременнымъ разностороннимъ движеніемъ. Вмѣсто безпорядочной смѣны антитезъ: *или* агитаціи въ крестьянствѣ, *или* террористической борьбы съ самодержавіемъ, *или* пропаганды въ городскомъ пролетаріатѣ — можетъ и долженъ осуществиться широкій и непобѣдимый синтезъ *и* террора противъ самодержавія, *и* пропаганды, *и* агитаціи, *и* въ пролетаріатѣ, *и* въ крестьянствѣ, а также и въ арміи, и въ передовыхъ слояхъ образованнаго общества.

Никто, вѣроятно, не станетъ спорить противъ *цѣлесообразности* такой системы. Какъ окончательный исходъ войны рѣшается всею совокупностью дѣйствій пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, а каждая изъ нихъ въ отдѣльности можетъ дать лишь отдѣльную и временную побѣду, такъ и въ той борьбѣ, которую мы ведемъ съ самодержавіемъ, безпрерывно должны дѣйствовать и упорное предварительное пропагандистское обстрѣливаніе, и внезапные террористическіе вылазки и набѣги, и, наконецъ, систематическая и широкая агитація съ планомѣрными движеніями массъ. Что одной пропагандой нельзя ограничиваться — это не требуетъ доказательствъ, но и безъ основательной пропаганды, если даже намъ и удалось-бы взволновать массы, волненіе это осталось-бы поверхностнымъ, неопредѣленнымъ, скороходящимъ и всегда могло-бы повернуться въ неожиданную и въ нежелательную для насъ сторону. Одинъ терроръ, не поддержанный сочувственнымъ движеніемъ массъ, какъ показалъ опытъ Народной Воли, только дразнитъ иллюзіей побѣды, но не способенъ прочно завоевать ее; но терроръ въ связи съ работой въ массахъ даетъ огромные результаты, внося неудержимую панику въ дѣйствія властей и мощно, безгранично поднимая энтузіазмъ и энергію массъ.

Огромное расширеніе нашихъ силъ за послѣдніе два года придало совсѣмъ новый масштабъ пропагандѣ и

агитаціи. Рабочія массы, а также кое гдѣ и крестьянство, жадно поглощаютъ десятки тысячъ революціонныхъ брошюръ, газетъ, прокламацій; число издательскихъ группъ и типографій удвоилось или утроилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ почти каждое изъ нихъ все увеличиваетъ число издаваемыхъ экземпляровъ. Вмѣстѣ съ этимъ явился новый типъ агитатора — рѣшительнаго и смѣлаго. Сотни людей уже доказали, что они не боятся полиціи и солдатъ, многіе изъ нихъ готовы на вооруженную борьбу, ихъ не удовлетворяютъ уже полу-легальныя формы пропаганды 90-хъ г. г., они жаждутъ рискованной, самоотверженной революціонной работы. Не станемъ-же замыкать этотъ святой огонь въ тотъ узкій кругъ, гдѣ и безъ того уже сравнительно свѣтло и тепло, разольемъ его въ самыя глубокія, самыя темныя и холодныя толщи рабочаго народа. Въ такія времена, какъ наше, цѣлесообразна одна смѣлость!

И такъ, приглашая русскую соціально-революціонную партію выйти изъ узкаго круга пропаганды среди интеллигенціи и пролетаріата на огромное поприще революціонизированья трудовыхъ крестьянскихъ массъ, тѣмъ самымъ мы не открываемъ ничего новаго, мы только формулируемъ и вносимъ въ программу то, что уже само явилось въ жизни; мы только возводимъ въ принципъ и въ систему то, что уже дѣлаютъ многіе товарищи, пока лишь эмпирически, безъ твердой системы и организаціи. Послѣдніе четыре десятилѣтія 19 вѣка дали намъ на опытѣ какъ бы отдѣльныя слагаемыя полной соціально-революціонной программы: теперь, съ двадцатымъ вѣкомъ, мы подводимъ черту подъ этими слагаемыми и суммируемъ ихъ въ единое неразрывное и непобѣдимое цѣлое!

* * *

На нашъ взглядъ всего меньше пока начинаній и всего меньше системы и организаціи въ этихъ начинаніяхъ было въ революціонной работѣ среди крестьянства. На заполненіе этого-то крупнѣйшаго пробѣла мы и рѣшили обратить наши усилія, твердо помня, что только то дѣло идетъ хорошо, которымъ занимаются не между прочимъ, не за отсутствіемъ другого дѣла, на которомъ спеціализируются. Мы непоколебимо убѣждены, что прошло то время, когда рево-

люціонная работа въ крестьянствѣ или вовсе запрещалась ортодоксіей, или разрѣшалась лишь тѣмъ, кто не могъ дѣлать ничего другого. Мы хотимъ не объѣдки, не остатки отъ стола городской интеллигенціи и пролетаріата нести крестьянству, мы хотимъ звать его на серьезный отвѣтственный постъ въ революціонной борьбѣ. Въ немъ, благодаря огромному количественному преобладанію, огромная сила; значитъ, и мы должны направить на него не меньшія усилія.

Что могутъ интеллигенція и пролетаріатъ *безъ крестьянства*, а тѣмъ болѣе *вопреки крестьянству?* Весь догматъ русскихъ соц.-демократовъ конца 80-хъ и первой половины 90-хъ г. г. о томъ, что нѣтъ революціонной силы, кромѣ городского пролетаріата, былъ всецѣло основанъ на вѣрѣ въ отдаленность открытой политической борьбы и въ неизбѣжность за эти подготовительныя нѣсколько десятилѣтій пролетаризаціи, если не всего, то значительнѣйшей части крестьянства. Мы не упрекаемъ товарищей, такъ думавшихъ, мы хорошо помнимъ и понимаемъ, что трудно было иначе думать въ то, какъ бы остановившееся, время, но мы констатируемъ только, что моментъ великой революціонной борьбы приблизился скорѣе, чѣмъ ожидали, что имъ наполнятся и переполнятся ближайшіе годы, и что, значитъ, исходъ ея въ рукахъ не только рабочаго, вываренаго въ фабричномъ котлѣ, а и крестьянина, голодающаго въ убогой деревнѣ. Достаточно-ли разжигать революціонный пожаръ среди сотенъ тысячъ, пусть даже *милліоновъ* пролетаріевъ, если *десятки милліоновъ* крестьянства надвинутся холодной ледяной массой и потушатъ его въ самомъ началѣ?

Для этого не надо даже крестьянству открывать и враждебныхъ дѣйствій противъ поднявшихся на царя городскихъ людей, довольно, если оно останется совершенно нейтральнымъ и неподвижнымъ: этого довольно, чтобы войска, составленныя изъ сыновей этихъ крестьянъ, „исполнили свой долгъ“ и „кровью бунтовщиковъ“ залили всякую вспышку. Правда, можно допустить, что само самодержавіе не пойдетъ на эту крайность, что оно уступитъ, когда увидитъ готовность городскихъ рабочихъ возстать за свободу, или, что оно трусливо уползетъ отъ неуловимыхъ и не-

побѣдимыхъ ударовъ террора, — на все это можно надѣяться, — но можно-ли на такой надеждѣ строить весь свой планъ дѣйствій? Можно ли мечтать о томъ, чтобы безоружныя уличныя толпы закидали своими шапками солдатскіе штыки и загородили своими тѣлами путь казачьимъ аттакамъ? Что-же касается демонстрацій вооруженныхъ, то, конечно, о нихъ легко писать и говорить, какъ о дѣлѣ неопредѣленно-далекаго будущаго, но всѣ эти разговоры до сихъ поръ имѣли лишь теоретическій, а не практическій характеръ; и неудивительно, ибо всякій отступалъ передъ громадной отвѣтственностью — подать лишь поводъ къ кровавой бойнѣ, безъ шансовъ на успѣхъ. Мы привѣтствуемъ революцію, выходящую изъ фабричныхъ воротъ, но мы поведемъ ее къ союзу съ революціей, ростущей и крѣпнущей въ деревнѣ. Только тогда, набравшись силъ отъ „матери сырой земли“, она выйдетъ всесокрушающимъ богатыремъ.

Что можетъ интеллигенція и пролетаріатъ *вмѣстѣ съ крестьянствомъ?* Все. Крестьянство даетъ самодержавію огромнѣйшую долю его матеріальной силы: деньги и солдатъ; именно на крестьянской темнотѣ, какъ на незыблемомъ доселѣ фундаментѣ, и держится царская власть. Поэтому опять таки нѣтъ даже безусловной необходимости всему крестьянству напасть вооруженной силой, чтобы разрушить самодержавіе. Въ критическій моментъ можетъ оказаться достаточнымъ, напр., просто массового отказа отъ платежа податей и доставленія рекрутовъ, — чтобы подкосились главныя подпорки самодержавія и оно рухнуло отъ перваго сильнаго толчка. Поэтому ничего оно такъ не боится, какъ крестьянскаго движенія, и очевидно, что если-бы, въ помощь террористическимъ ударамъ и движенію въ городахъ, хотя слегка дрогнули крестьянскія массы, хотя бы въ нѣсколькихъ губерніяхъ, то это сразу вырвало бы у самодержавія послѣднюю надежду на спасеніе, лишило бы его послѣдней энергіи сопротивленія. Цитадель самовластья сравнительно въ безопасности, пока слабыя, невооруженныя толпы ломятся въ закрытыя стальной щетиной ворота; она можетъ долго сопротивляться и террористическимъ выстрѣламъ, направленнымъ въ ея слабѣе защищенную вершину, но что ей останется, когда мы заложимъ мину вглубь и

сдвинемъ самый ея фундаментъ, когда онъ дастъ трещины и сотрясется въ самыхъ доселѣ неподвижныхъ глубинахъ своихъ? Тогда самовластью останется только одно — сдаться

* * *

Намъ возразятъ: конечно, присоединеніе крестьянскаго движенія къ прочимъ силамъ революціи лучше всего обезпечило бы побѣду и оно болѣе, чѣмъ *желательно;* но *возможно*-ли оно? Разберемъ основные элементы этого главнаго вопроса.

Какіе общественные классы вообще всегда держатся за существующій порядокъ, охраняютъ его и не поддаются революціонизированію? Очевидно, или тѣ, чьи интересы удовлетворены, какъ, напр., у современной буржуазіи, или тѣ, интересы коихъ индивидуалистичны, не опредѣлены, какъ классовые, и не формулируются въ реформаторскую или революціонную соціально-политическую программу (какъ напр. у мелко-буржуазныхъ слоевъ), или, наконецъ, тѣ, кому безнадежная косность и невѣжество мѣшаютъ сознать свои интересы, объединить ихъ и защитить планомѣрнымъ политическимъ движеніемъ. Ни того, ни другого, ни третьяго не находимъ мы въ современномъ русскомъ крестьянствѣ.

Осмѣлится-ли кто-нибудь сказать, что крестьянинъ доволенъ экономическимъ своимъ положеніемъ, что интересы его, какъ непосредственнаго производителя и работника, удовлетворены? Неужели не всѣмъ еще извѣстно, что этотъ полу-собственникъ и полу-пролетарій живетъ со дня на день, съ года на годъ, отъ урожая до урожая, а при неурожаѣ голодаетъ, болѣетъ и вымираетъ? Что надѣльной земли значительному большинству крестьянъ далеко не хватаетъ не только до нормы, которую они могли бы своими собственными силами обработать, но и до того минимума, который безусловно необходимъ только для поддержанія своего жалкаго, бѣдственнаго существованія? Что надъ этимъ малоземельнымъ и почти безканитальнымъ крестьянствомъ также тяготѣетъ денежный капиталъ? Что поэтому крестьяне принуждены идти въ кабалу къ помѣщику, какъ арендаторы и батраки, къ скупщику, хозяину, подрядчику, какъ кустари, ремесленники, чернорабочіе, что именно они удѣляютъ большую долю изъ рабочей силы своихъ семей крупной неземледѣльческой промышленности и въ

этой своей части страдаютъ отъ того-же ярма капитала, что и городскіе пролетаріи? И какъ нищій «собственникъ» и какъ закабаленный работникъ, крестьянинъ одинаково неудовлетворенъ, придавленъ въ самый нижній подвальный этажъ соціальной пирамиды и тяжко страдаетъ отъ этого невыноснаго гнета.

Но сливаются ли эти струи недовольства въ одинъ общій потокъ и тяготѣетъ ли онъ, въ общемъ, въ сторону прогрессивнаго развитія и переворота? Несомнѣнно такъ. Своеобразныя условія экономическаго развитія Россіи сдѣлали для капиталистической промышленности, особенно въ области земледѣлія, выгоднымъ въ значительной мѣрѣ питаться трудомъ крестьянина, а не пролетарія, поэтому неземледѣльческій заработокъ только въ меньшинствѣ случаевъ отрываетъ крестьянина отъ земли, а обыкновенно еще плотнѣе придавливаетъ его къ землѣ своей кратковременностью и недостаточностью. Совершенно также полу-сытый отъ своего надѣла крестьянинъ является полу-даровымъ работникомъ помѣщика, а потому и земельная аренда, и батрачество опять таки не отрываютъ, а прикрѣпляютъ крестьянина къ надѣлу. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ притиснутый къ землѣ, въ чемъ-же можетъ видѣть крестьянинъ просвѣтъ къ лучшей жизни? Конечно, въ прирѣзкѣ земли. Съ каждымъ десятилѣтіемъ растетъ у нищающаго мужика эта жажда земли, съ каждымъ годомъ обостряется отчаянная борьба за землю. Но эта жажда даетъ массѣ крестьянства только муки Тантала, въ этой борьбѣ только одинъ изъ ста побѣждаетъ. Какъ ни много абсолютно захватилъ мужикъ за послѣдніе 30 лѣтъ земли, но по сравненію съ растущей нуждой, это безконечно мало. И вотъ, неутоляемая этими отдѣльными крупицами, жажда земли, безплодность борьбы за землю разрозненныхъ семей, сплачиваютъ огромное большинство крестьянства въ страстномъ чаяніи общаго коренного переворота въ землевладѣніи, общаго перехода всей земли отъ землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ; изъ капиталистической собственности въ распоряженіе и пользованіе всѣхъ лично трудящихся.

Констатируя эти факты, мы, конечно, далеки отъ идеализаціи ихъ. Мы хорошо знаемъ, что жажда земли у крестьянства на многоземельныхъ окраинахъ и у нѣкоторой

доли зажиточныхъ въ малоземельныхъ мѣстностяхъ — удовлетворена, что иные изъ нихъ ближе къ мелкимъ помѣщикамъ, чѣмъ къ рядовому трудовому крестьянству. Но мы на нихъ и не разсчитываемъ, какъ не разсчитываетъ и соціалистъ, пропагандирующій на фабрикѣ, на тѣ сливки рабочихъ, которыя поднялись въ привиллегированное положеніе и льнутъ къ капиталу Какъ пропагандистъ на фабрикѣ обращается только къ основному среднему здоровому большинству, такъ и мы направляемъ свои усилія только на чисто трудовые слои крестьянства. Нужно ли пояснять, что къ этимъ слоямъ относится огромное большинство крестьянства, привлеченія котораго къ революціоннымъ силамъ города вполнѣ достаточно не только для разрушенія самодержавія, но и для побѣдъ соціализма на будущихъ всенародныхъ голосованіяхъ ....

Не закрываемъ мы глазъ и на то, что въ крестьянскихъ чаяніяхъ перехода земли отъ нетрудящихся къ трудящимся свѣтлая идея обмірщенія-обобществленія земли покрыта темной ржавчиной надежды на царя и неяснаго представленія о томъ, перейдетъ ли затѣмъ распоряженіе землей въ руки всего народа, или отдѣльныхъ общинъ, или даже отдѣльныхъ крестьянъ. Мы знаемъ, что не мало намъ предстоитъ упорной работы надъ очисткой чистаго соціалистическаго начала обобществленія земли отъ традицій и индивидуалистическихъ воззрѣній на землю, но, вѣдь, если бы готовая идея соціализаціи земли уже двигала крестьянами, то намъ нечего было бы и дѣлать....

Эта работа трудна, но вѣдь не легка и работа переплавки обыденныхъ интересовъ рабочаго въ соціалистическій идеалъ. Рабочихъ, мечтающихъ лишь о повышеніи заработка, приглашаютъ стать равноправными членами и распорядителями коллективнаго хозяйства! Если и столь новую для нихъ идею намъ удается уложить въ ихъ мозгъ, то неужели невозможно очистить и разработать тотъ идеалъ, который въ зародышевой формѣ уже живетъ въ головѣ крестьянина и подготовительные элементы котораго уже существуютъ въ Россіи ? Наша пропаганда въ этомъ случаѣ сводится къ элементарнѣйшимъ дедукціямъ: уже теперь большая доля территоріи Россіи принадлежитъ государству — надо, чтобы вся территорія принадлежала народу, что

бы распоряжалась ею не самодержавная власть, а народное выборное управленіе; уже и теперь въ Россіи мѣстами земля перетекаетъ отъ капитала къ труду — надо, чтобы этотъ процессъ былъ завершенъ государствомъ (конечно не нынѣшнимъ, и на условіяхъ, болѣе выгодныхъ для трудовой массы, чѣмъ это было въ 1861 г.); крестьянинъ уже имѣетъ землю и пользуется ею въ большинствѣ случаевъ въ уравнительномъ распредѣленіи — надо, чтобы это трудовое пользованіе было проведено до конца, распространено на всѣхъ, вывело бы трудящихся изъ голоднаго существованія и завершилось бы чрезъ развитіе всякаго рода кооперацій коллективнымъ земледѣльческимъ производствомъ.

Кромѣ того, остерегаясь неосторожныхъ увлеченій, мы предостерегаемъ товарищей и отъ того вялаго и безсильнаго скептицизма, который, обжегшись когда то на горячемъ молокѣ, дуетъ теперь и на холодную воду. Есть много признаковъ того, что индивидуализмъ русскаго крестьянства въ огромной степени преувеличенъ въ воззрѣніяхъ 90 г.г. Во множествѣ случаевъ (и въ переселеніи на новыя земли, и въ перераспредѣленіяхъ общинныхъ земель, и въ покупкѣ и арендѣ земли, и т. п., въ особенности же въ легальной и нелегальной борьбѣ съ помѣщиками, кулаками и мѣстнымъ начальствомъ) — мы видимъ крестьянство дѣйствующимъ не въ одиночку, а организованными, часто тѣсно сплоченными группами. Съ ростомъ культуры, быстро ростетъ и еще быстрѣе будетъ расти и это объединеніе крестьянства. Будетъ пріучать его и въ мысли, и въ дѣлѣ къ началу коллективному, соціальному.

Съ другой стороны не нужно преувеличивать и силы вѣры въ царя. Уже и a priori всякій долженъ согласиться, что этотъ старый лоскутъ традиціи долженъ скоро разорваться подъ соединеннымъ напоромъ ростущаго культурнаго развитія и давящей экономической необходимости, что, прождавъ десятки лѣтъ безплодно отъ царя „земли и воли“, крестьянинъ, наконецъ, перестанетъ ждать и надѣяться. Изъ опыта пропаганды въ цѣломъ рядѣ мѣстностей мы знаемъ, что во многихъ случаяхъ это уже и совершилось, что критика царя теперь уже часто свободна и легка при пропагандѣ среди крестьянъ, что даже часто пропагандистъ

находитъ уже совершенно готовымъ полное отсутствіе надежды, полное невѣріе въ царя... Неужели же легенда о „царѣ-батюшкѣ“ сама собой исчезнетъ въ народѣ, а мы все будемъ вѣрить въ другую легенду — легенду о мужикѣ, вѣчно надѣющемся на царя-батюшку?

* * *

Итакъ: мы считаемъ несомнѣннымъ, что экономическіе интересы крестьянства рѣзко неудовлетворены, все яснѣе имъ сознаются и складываются въ еще туманномъ, еще неясномъ соціальномъ идеалѣ, до извѣстной степени родственномъ по своей тенденціи нашему собственному. Посмотримъ, насколько крестьянство доступно нашему воздѣйствію со стороны культурной и политической.

Всѣ понимаютъ, что за 40 лѣтъ освобожденный крестьянинъ сдѣлалъ огромный шагъ въ своемъ культурномъ развитіи, но не всѣ дѣлаютъ отсюда необходимые практическіе выводы. „Крѣпкаго черепа“ крестьянина теперь боятся почти также, какъ боялись 20 лѣтъ тому назадъ, послѣ неудачнаго „хожденія въ народъ“. Между тѣмъ именно эти 20 лѣтъ, за которые вступило въ жизнь поколѣніе, не знавшее крѣпостного права и частью прошедшее земскую школу, широкой пропастью отдѣляютъ насъ отъ того недоброй памяти времени, и отъ возможности такихъ, какъ тогда, неудачъ.

20 лѣтъ назадъ очень часто безполезно было бросать въ народъ книжки, т. к. не было грамотныхъ, чтобы ихъ читать; теперь ужъ и въ самой глухой деревнѣ книжка найдетъ себѣ читателя. Прежде темный мужикъ порой никогда не видѣлъ и уѣзднаго города и, понятно, часто не способенъ былъ понимать самыя простыя слова, дѣлать самые элементарные выводы. Теперь чуть не вся крестьянская Русь стала бродячей: не менѣе 10 милліоновъ взрослыхъ крестьянъ ежегодно странствуютъ вдоль и поперекъ, перемѣняютъ множество положеній, встрѣчаются со множествомъ разнообразнѣйшихъ людей и явленій, поражаются контрастами роскоши и бѣдствія, чудесъ науки и своей темноты, и эта волна нужды, швыряющая по всей Россіи милліоны рабочаго крестьянства отъ одного эксплуататора къ другому, открываетъ имъ со всѣхъ сторонъ давя-

щую ихъ соціальную пирамиду, ударяетъ ихъ о самые острые ея углы, и жизнь тутъ учитъ даже безграмотнаго лучше всякой книги.

И весь этотъ огромный потокъ впечатлѣній, чувствъ, знаній безпрерывно вливается обратно въ деревни, безпрерывно расширяетъ горизонты даже и не уходящаго отъ земли мужика. Очевидно, что этотъ десятокъ милліоновъ крестьянъ въ этой погонѣ за заработкомъ становится энергичнѣе, настойчивѣе, самостоятельнѣе, смѣлѣе, озлобленнѣе, что въ такой жизненной школѣ личность быстро растетъ и критика просыпается. Вспомнимъ, что самый исконный фабричный тоже не является прирожденнымъ соціалистомъ, что и отъ него соціальная жизнь иной разъ немногимъ менѣе закрыта фабричной стѣной и безпросвѣтнымъ трудомъ, чѣмъ для прежняго заходустнаго крестьянина околицей его деревни. Вспомнимъ, наконецъ, что мужикъ уже не за однимъ хлѣбомъ гонится: онъ ищетъ правды въ цѣломъ рядѣ сектантскихъ ученій, ростущихъ съ каждымъ десятилѣтіемъ все шире и идущихъ отъ темныхъ суевѣрій къ свѣтлому раціонализму все быстрѣе и быстрѣе....

Однимъ словомъ, если 20—30 лѣтъ тому назадъ, мы имѣли въ крестьянствѣ ребенка, только что вышедшаго изъ пеленокъ крѣпостного права, еще радующагося этой свободѣ и вѣрящаго во всѣ сказки своихъ строгихъ нянекъ, — то теперь мы имѣемъ дѣло съ юношей, у котораго проснулись чувства, просвѣтлѣла мысль, окрѣпла воля и который тяжко стиснутъ жизнью и страстно ищетъ исхода. Неужели же мы издали пассивно будемъ смотрѣть, какъ эта мощная сила будетъ бродить и волноваться, и расточаться въ безплодныхъ потугахъ, неужели не обязаны мы броситься ей навстрѣчу, открыть ей разумнѣйшій исходъ?

Наконецъ, пора уже, давно пора замѣтить и признать, что, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, ни одинъ классъ въ Россіи такъ не подталкивается къ чисто политической борьбѣ, какъ именно крестьянство. Въ то время, какъ, напримѣръ, городской пролетарій не входитъ ни въ какую общественно-юридическую организацію, крестьянству формально предоставлена возможность такого самоопредѣленія, которое своими границами и компетенціей далеко шире земскаго и городского самоуправленія. А съ другой стороны

въ эту широкую сферу крестьянскаго самоуправленія постоянно вторгается самый дикій и беззастѣнчивый произволъ, самое разнузданное самодурство земскаго начальника и другихъ властей, какъ будто нарочно для того, чтобы не дать крестьянству успокоиться, чтобы вѣчно будоражить ихъ, плодить столкновенія и конфликты съ властью. Къ нетронутому рабочему нужно подходить со стороны его непосредственнаго экономическаго угнетенія, чтобы показывать косвенную его связь съ современнымъ общегражданскимъ строемъ; для крестьянина гнетъ этого строя, быть можетъ, еще непосредственнѣе, чѣмъ экономическая угнетенность и часто даже (подати) является источникомъ экономической угнетенности. Всѣ внутреннія крестьянскія дѣла и отношенія опредѣляются „обычнымъ правомъ“, лишь въ общихъ чертахъ и съ нѣкоторыхъ только сторонъ ограниченнымъ закономъ, и вѣдаются особымъ выборнымъ волостнымъ крестьянскимъ судомъ; деревенскимъ мірскимъ сходомъ вершится множество важнѣйшихъ въ жизни крестьянина, какъ земельныхъ, такъ и иныхъ дѣлъ. И вотъ при этой то своеобразной, но широкой самодѣятельности крестьянство лишено элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ, имѣющихся у другихъ сословій, и подвержено особому полурабскому кодексу до тѣлесныхъ наказаній включительно. Такое соединеніе точно нарочно было придумано для того, чтобы съ одной стороны будить и упражнять политическіе инстинкты и навыки общественной борьбы и тѣсно сплачивать крестьянскій „міръ“, — а съ другой стороны дразнить его и нагло издѣваться надъ его членами.

Александръ III, со своей стороны, сдѣлалъ безконечно много для того, чтобы всю эту колоссальную организацію мірского крестьянства обратить въ непримиримаго врага власти. Бросившись послѣ побѣды надъ терроромъ въ крайности репрессіи, въ неистовства „дворянской политики“, Александръ III „подтянулъ“ и крестьянство, „приблизивъ къ нему власть“ въ лицѣ земскихъ начальниковъ, и давъ имъ право такъ же безконтрольно самовластничать въ каждой крестьянской общинѣ, какъ самъ самовластничалъ надъ Россіей! И вотъ именно за послѣднія 20 лѣтъ быстраго культурнаго роста крестьянства кулакъ земскаго начальника научилъ деревенскій міръ тому, что такое самовластье. Правда, крестья-

нинъ уже и безъ того ненавидѣлъ бюрократію, какъ механизмъ, „выбивающій“ подати и взамѣнъ ничего не дающій, но тутъ, въ земскомъ начальникѣ, онъ увидѣлъ прямого ставленника царя, какъ бы подлинный снимокъ самовластья, и возненавидѣлъ его всей силой своего проснувшагося человѣческаго достоинства. И если все туже стягиваются эти путы на ростущемъ культурно народѣ, врѣзываясь ему въ мясо, — тѣмъ скорѣе лопнетъ его терпѣніе, а съ нимъ и эти путы. И чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ неотложнѣе должны мы спѣшить сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы возможно болѣе объединить, организовать и направить это мощное освободительное усиліе, чтобъ всѣмъ своимъ натискомъ опрокинулось оно на самодержавіе....

Итакъ, все, что извѣстно намъ объ экономическомъ положеніи крестьянства и экономическихъ его интересахъ, о культурно-политическомъ его развитіи за послѣднія 25—30 лѣтъ, все говоритъ противъ теоретическаго предубѣжденія, рисующаго крестьянство чуть не навѣки темной, безнадежно инертной или реакціонной силой. Напротивъ, мы видимъ, что современныя экономическія, политическія и культурныя условія мощно толкаютъ его на борьбу за лучшее будущее, на борьбу соціально-политическую, какъ нищаго, закабаленнаго трудового класса — противъ нетрудовыхъ слоевъ, какъ безправнаго и угнетеннаго полу-раба — противъ давящей его власти... Крестьянству нужно „Земли и Воли“, — нашъ долгъ, какъ соціалистовъ и революціонеровъ, снова поднять въ крестьянствѣ это великое знамя.

Но мы отправляемся въ своемъ начинаніи не отъ однихъ этихъ теоретическихъ соображеній, а также отъ цѣлаго ряда фактическихъ опытовъ революціонной работы въ крестьянствѣ за послѣднія 10—15 лѣтъ, особенно за послѣдніе 2—3 года. Всѣ эти опыты единогласно подтверждаютъ, что работа въ крестьянствѣ вполнѣ возможна и становится все легче и легче, что почти всегда результаты ея далеко превышаютъ надежды и ожиданія тѣхъ, кто за нее брался. Такъ говорятъ прежде всего тѣ немногіе стойкіе интеллигентные одиночки, которые, живя по десятку и болѣе лѣтъ въ деревнѣ, не теряли духовной свѣжести и старались сѣять революціонный соціализмъ въ окружавшихъ ихъ крестьянахъ; за полнымъ отсутствіемъ нелегальной литерату-

ры для крестьянъ, они должны были ограничиваться легальными книжками и устной бесѣдой, но и въ такомъ узкомъ масштабѣ имъ удавалось понемногу воспитывать вокругъ себя цѣлыя гнѣзда совершенно сознательно и прочно убѣжденныхъ соціалистовъ-революціонеровъ изъ крестьянъ, которые затѣмъ часто сами становились страстными пропагандистами; и эти гнѣзда теперь, при первомъ же наплывѣ агитаціонныхъ брошюръ, сразу становятся прочными очагами, широко вокругъ разносящими революціонную заразу.... Крайне интересенъ также опытъ покойнаго Астырева, который съ нѣсколькими товарищами въ голодный 1892 годъ распространилъ довольно много агитаціонныхъ листковъ среди крестьянъ; есть рядъ свидѣтельствъ о полномъ пониманіи и полномъ, порою восторженномъ, сочувствіи многихъ крестьянъ этимъ воззваніямъ; почти всегда, какъ присланный листокъ, такъ и человѣкъ, проѣхавшій и произнесшій рѣчь крестьянамъ, тщательно скрывались отъ полиціи, бывали и сочувственныя имъ предостереженія отъ кого нибудь изъ толпы противъ отдѣльныхъ лицъ... Наконецъ въ послѣдніе годы, когда значительныя группы молодежи въ связи съ нѣкоторыми сохранившимися отъ 70-хъ и 80-хъ г.г. революціонерами, стали выдѣляться въ самостоятельныя организаціи „соціалистовъ-революціонеровъ“, то однимъ изъ первыхъ опытовъ этихъ молодыхъ кружковъ была работа среди крестьянъ. И результаты этихъ опытовъ надо признать блистательными. Годъ-два работы нѣсколькихъ человѣкъ давали десятки крестьянъ, сомкнувшихся въ тайные кружки, и сотни читающихъ нелегальную литературу и затронутыхъ устной пропагандой; и при этомъ потери въ людяхъ были сравнительно ничтожны, во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ при революціонной работѣ среди городскихъ рабочихъ...

Этимъ мы и закончимъ наше изложеніе мотивовъ, ведущихъ насъ въ крестьянство: мы не теорію только развиваемъ, мы указываемъ факты. Если же кто либо изъ книжниковъ и доктринеровъ все еще не вѣритъ намъ, то просимъ такого Ѳому невѣрующаго попробовать приложить собственныя руки къ тому, въ чемъ онъ сомнѣвается! Мы глубоко увѣрены, что, если будетъ то человѣкъ живой и энергичный, то онъ въ самое короткое время изъ Савла

превратится въ Павла, изъ невѣрующаго станетъ вѣрующимъ въ возможность работы среди крестьянства, уже согрѣтаго вѣяніемъ близкой борьбы за „Землю и Волю“, за „Народную Волю“!

* * *

Но мы не только убѣждены въ томъ, что вообще въ настоящее время необходимо и возможно ввести крестьянство въ кругъ революціоннаго воздѣйствія: мы полагаемъ, что именно теперь этого нельзя уже откладывать ни на одинъ моментъ и что къ этому надо приложить особенныя, чрезвычайныя усилія. Мы имѣемъ въ виду возможность и вѣроятность двухъ явленій: во первыхъ, неожиданнаго, стихійнаго массового движенія въ крестьянствѣ въ ближайшемъ будущемъ и, во вторыхъ, нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ къ облегченію экономическаго и правового положенія крестьянства, мѣръ, могущихъ при неблагопріятныхъ условіяхъ хотя на нѣкоторое время подновить въ немъ обаяніе самодержавія и оторвать его отъ борьбы за свободу. Первое сулитъ намъ огромный шансъ на близкую побѣду въ борьбѣ за освобожденіе, второе грозитъ самыми серьезными осложненіями и неудачами въ этой борьбѣ.

Что терпѣніе крестьянской массы готово лопнуть, что она можетъ возстать при первомъ же обостреніи ея хроническихъ, безысходныхъ страданій, — это послѣ движенія крестьянъ въ малороссійскихъ губерніяхъ врядъ ли кому нужно доказывать. Но для людей, знающихъ деревню, это движеніе и не было неожиданностью, и даже не является новостью. Вспышки аграрной борьбы во всевозможнѣйшихъ нелегальныхъ формахъ не только не прекращались за это время, когда революціонная интеллигенція закрыла глаза на деревню, но учащались и разростались съ каждымъ десятилѣтіемъ, — онѣ только не принимали такъ быстро такого массового распространенія, какъ это случилось теперь, а въ самомъ началѣ подавлялись полиціей и войскомъ. И какъ могло быть иначе? Неужели мужикъ уже совсѣмъ не человѣкъ, неужели же въ немъ нѣтъ ничего кромѣ терпѣнія, неужели даже угроза голодной смерти не пробудитъ въ немъ злобы, тѣмъ болѣе страшной, чѣмъ дольше она сдерживалась? Какъ въ іюльскій изсушающій зной Россія

загорается отъ незамѣтныхъ угольковъ тысячами пожаровъ, такъ теперь изсохшая отъ бѣдствій грудь крестьянина готова загорѣться яростью и местью отъ самой слабой и случайной искры. А если такъ, то каждый признаетъ, какое огромное значеніе имѣетъ то, чтобы этотъ пожаръ начался не отъ уголька, подброшеннаго какимъ нибудь темнымъ слухомъ о милости царя, скрытой чиновниками, или раздутаго разными узкими и мистическими сектантскими откровеніями и чтобы привелъ онъ не къ безплодному и надолго обезсиливающему пожарищу, вродѣ Пугачевщины, — а чтобы мы сами подожгли этотъ горючій матеріалъ свѣтлымъ факеломъ борьбы за свободу, чтобы это пламя слилось съ тѣмъ, которое разгорается на улицахъ въ городахъ и сверкаетъ молніями террора и чтобы въ немъ сразу до тла сгорѣло гнилое зданіе самодержавія!

Но что будетъ, если самодержавіе лучше насъ пойметъ близость и опасность крестьянскаго пожара и приметъ тѣ или иныя мѣры для его предупрежденія? Какъ ни тѣсно связано наше самодержавіе съ дворянствомъ и буржуазіей, оно все же не безусловно отождествлено съ ними, оно прежде всего борется за свое собственное существованіе и въ моментъ явной и крайней для себя опасности вѣроятно попробуетъ пожертвовать нѣкоторыми интересами дворянства и тѣмъ подновить вѣру въ себя крестьянъ, какъ это уже и было въ 1861 г., какъ уже и теперь оно силится отвратить отъ себя на буржуазію бурю городскихъ рабочихъ волненій. Конечно, движеніе городского пролетаріата уже свободно и легко уходитъ впередъ отъ этихъ запоздалыхъ попытокъ его догнать и задобрить, но тѣмъ большіе шансовъ, что испуганное и наученное этимъ опытомъ самодержавіе при первыхъ же вспышкахъ въ крестьянствѣ изо всѣхъ силъ забѣжитъ впередъ и рядомъ подачекъ дѣйствительно еще разъ закроетъ глаза крестьянству и снова склонитъ его на сонное ложе вѣры, надежды и ожиданія.

Мы понимаемъ, что это будетъ не надолго, что скоро разглядитъ крестьянство, какъ скудна и обглоданна брошенная ему кость, что непреоборимый ростъ культуры, неизбѣжные экономическіе процессы все равно приведутъ Россію если не тѣмъ, то другимъ путемъ, если не въ этомъ, то въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ къ уничтоженію самодер-

жавія, но когда-жъ это будетъ, сколько прибавится ненужной борьбы и напрасныхъ жертвъ? Мы понимаемъ и то, что вообще трудно ожидать отъ современнаго царскаго правительства мало-мальски существенныхъ жертвъ для крестьянства, что скорѣе всего и тутъ оно будетъ со своими успокаивающими и подкупающими уступками безсильно гнаться за хвостомъ все быстрѣе бѣгущаго впередъ революціоннаго движенія. Но мы не имѣемъ права успокаиваться на вѣрѣ въ этотъ лучшій исходъ, мы обязаны предвидѣть maximum, а не minimum умѣнья, дальновидности и быстроты въ движеніяхъ нашего врага; мы должны съумѣть отпарировать самые удачные и ловкіе изъ его пріемовъ, во время разоблачить самыя хитроумныя изъ его западней и ловушекъ, разставленныхъ для уловленія темныхъ людей, — чтобы на лицемѣрныя заигрыванія и подачки царскаго правительства крестьянство отвѣтило въ одинъ голосъ съ революціонерами, съ рабочими, со всей поднимающейся за свободу Россіей: намъ отъ тебя ничего не надо, намъ надо, чтобы тебя не было!....

Итакъ, передъ русской соціально-революціонной партіей сама жизнь поставила теперь завоеваніе крестьянства безусловно необходимой и неотложной задачей. Крестьянскій Союзъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ употребитъ всѣ свои силы на разрѣшеніе этой огромной задачи, въ твердой увѣренности, что много живыхъ силъ откликнется на его призывъ. Было бы печально и стыдно намъ подъ вліяніемъ прошлыхъ неудачъ и давно разбитыхъ жизнью догматовъ снова остаться въ сторонѣ отъ жизни, но на этотъ разъ уже не потому, что мы не можемъ ее сдвинуть съ мѣста, а потому что она двинулась раньше, чѣмъ ожидали мы, разочарованные и придавленные реакціей; двинулась не по тѣмъ шаблоннымъ путямъ, которые предусмотрѣны въ нашихъ построеніяхъ. Если даже и тѣ наши товарищи, которые цѣлыхъ десять лѣтъ только и свѣту видѣли, что въ фабричномъ окошкѣ, годъ тому назадъ по собственному „единогласному“ признанію оказались „отставшими отъ жизни“, остановились въ первый моментъ въ недоумѣніи и бездѣйствіи передъ внезапно развернувшимся, пробившимся наружу потокомъ открытаго политическаго протеста со стороны рабочихъ массъ города, если теперь имъ приходится изо

всѣхъ силъ наверстывать потерянное, преодолѣвая возросшія трудности, то насколько же сознательная революціонная работа отстала отъ того, что дѣлалось въ крестьянствѣ, на которое большинство упорно закрывало глаза въ теченіи всего послѣдняго времени, насколько мы тутъ должны догонять движеніе жизни! Пожелаемъ же, чтобы крестьянскія волненія 1902 года такъ же мощно выбили всѣхъ изъ догматическаго сна и толкнули подходящія силы на широкую работу въ крестьянствѣ, какъ уличныя демонстраціи 1901 г. окончательно поставили крестъ надъ узкимъ экономическимъ пропагандизмомъ на фабрикѣ. И мы работой въ крестьянствѣ въ теченіи нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ должны и можемъ наверстать почти полное бездѣйствіе въ теченіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій.

* * *

Какими же средствами мы должны будить и развивать революціонную энергію крестьянъ и куда именно направлять ее? Это должно быть строго логически выведено изъ общихъ нашихъ цѣлей и ближайшихъ задачъ и тщательно сообразовано съ условіями мѣста и времени.

Конечная наша цѣль — осуществленіе соціалистическаго идеала во всей его полнотѣ. Но мы не думаемъ, конечно, чтобы сотканный изъ братства и свободы соціалистическій строй могъ сразу родиться готовымъ изъ нѣдръ современной полурабской Россіи. Мы убѣждены, что различные элементы нашего идеала будутъ осуществляться частично и разновременно, ибо одни изъ нихъ служатъ и логически, и исторически необходимыми переходными ступенями для другихъ. Поэтому задачей нашей работы является не подготовленіе фантастическаго, гигантскаго прыжка сразу къ конечной цѣли, а планомѣрное восхожденіе по той лѣстницѣ измѣненій и переворотовъ, которая намѣчена уже самой исторіей.

Такимъ образомъ рядомъ съ общей программой мы принимаемъ предварительную экономическую программу — минимумъ.

Для крестьянства мы на первую очередь ставимъ соціализацію земли, т. е. переходъ ея въ собственность всего общества и въ пользованіе трудящихся, а во вторыхъ

развитіе въ крестьянствѣ всевозможныхъ видовъ общественныхъ соединеній и экономическихъ кооперацій для постепеннаго высвобожденія крестьянства изъ подъ власти денежнаго капитала и для подготовленія грядущаго коллективнаго земледѣльческаго производства.

Но на эти предварительныя ступени экономическаго освобожденія трудящихся массъ мы не можемъ взойти иначе, какъ черезъ предшествующую имъ и логически и исторически ступень политическаго освобожденія: мы считаемъ очевиднымъ, что подъ гнетомъ самодержавія немыслимо даже и частичное предварительное улучшеніе положенія рабочаго народа. Безъ свободы агитаціи, безъ свободы стачекъ, при полномъ безправіи личности и при безграничномъ произволѣ полицейской администраціи, пролетаріатъ не можетъ успѣшно бороться съ капиталомъ. При этихъ же условіяхъ и еще при цѣлой сѣти законовъ и циркуляровъ, создавшихъ особый полурабскій режимъ — для крестьянства, для него невозможна, ни защита отъ эксплоатаціи землевладѣльцевъ и капиталистовъ, ни достиженіе какихъ либо культурно-экономическихъ успѣховъ. Поэтому свободное представительное самоуправленіе — общинное, волостное, земское и общегосударственное — съ тайнымъ, прямымъ, всеобщимъ и равнымъ избирательнымъ правомъ, со всѣми, выработанными въ Европѣ гарантіями демократической свободы (пропорціональное представительство, референдумъ, инициатива), съ одной стороны, само по себѣ составляетъ необходимую и драгоцѣнную часть соціалистическаго идеала, съ другой, является первой и ближайшей нашей цѣлью. Мы твердо убѣждены, что не только полное достиженіе соціалистическаго идеала, но и осуществленіе нашей экономической программы — минимумъ, возможны только черезъ Народную Волю въ обоихъ значеніяхъ этихъ прекрасныхъ словъ: **при свободѣ народа и по волѣ народа.**

Принимая, такимъ образомъ, борьбу за политическое освобожденіе, за Народную Волю, какъ первую задачу, на которой должны быть сосредоточены усилія, — какъ наилучшій общепартійный девизъ для всѣхъ борцовъ соціальной революціи въ современной Россіи, мы полагаемъ, что „Крестьянскій Союзъ“ долженъ въ настоящее время работать для этой же цѣли. Оставляя открытымъ пока вопросъ о

томъ, въ какой именно мѣрѣ подготовлено крестьянство къ чисто политической борьбѣ, мы должны во всякомъ случаѣ сдѣлать все, чтобы возможно большую часть его вовлечь въ эту борьбу, чтобы также и въ каждомъ экономическомъ движеніи крестьянъ усилить и расширить политическій элементъ. Поэтому, избирая своимъ девизомъ наиболѣе яркія и блистающія славной традиціей слова „Земля и Воля“, „Крестьянскій Союзъ“ на первый планъ и на первую очередь выдвигаетъ „Волю“.

Такимъ образомъ, основной нашей задачей является не самодовлѣющая экономическая пропаганда въ тѣсныхъ крестьянскихъ кружкахъ, а общая политическая и соціально-революціонная агитація въ широкихъ массахъ крестьянства. Помимо созданія тамъ и сямъ прочныхъ сознательныхъ кадровъ революціоннаго соціализма въ крестьянствѣ, мы должны возможно скорѣе мобилизировать и крупные отряды крестьянъ, связанныхъ съ нами хотя бы самымъ общимъ пониманіемъ и сочувствіемъ и способныхъ оказать хотя нѣкоторую помощь идущимъ въ авангардѣ борьбы за свободу интеллигенціи и городскимъ рабочимъ. Поэтому воздѣйствіе наше на крестьянство должно развиваться не только вглубь, а и вширь и болѣе всего вширь. До сихъ поръ наша работа въ крестьянствѣ переживала какъ-бы періодъ тепличнаго взращиванія, теперь же, когда и въ толщахъ крестьянства почва уже во многихъ мѣстахъ оттаяла, пора пересаживать разсаду на вольный воздухъ, пора широко разбрасывать революціонныя сѣмена на вольныя поля... Этимъ опредѣляется и содержаніе, и форма нашего воздѣйствія на крестьянство.

И въ печатныхъ и въ устныхъ обращеніяхъ къ крестьянамъ мы должны особенно подчеркивать политическій элементъ, экономическимъ же пользоваться главнымъ образомъ какъ двигателемъ, какъ аргументомъ. Излагая нашъ идеалъ, мы должны какъ можно сильнѣе оттѣнять политическія наши требованія, особенно должны разъяснять, что къ коренному экономическому перевороту на пользу рабочаго народа мы не можемъ придти иным путемъ, какъ чрезъ политическое освобожденіе. Агитируя въ крестьянствѣ по поводу его конкретныхъ, частныхъ, мѣстныхъ нуждъ, а также по поводу всякаго рода политиче-

скихъ событій и особенно различныхъ случаевъ революціонной или вообще нелегальной борьбы, мы должны на почвѣ огромнаго недовольства экономическимъ положеніемъ, будить въ крестьянствѣ правовое самосознаніе, должны неуклонно формулировать мелкіе экономическіе интересы въ широкія политическія требованія, должны доказывать невозможность мало-мальски серьезныхъ улучшеній въ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ до тѣхъ поръ, пока свободное всеобщее голосованіе не передастъ ихъ судьбу въ ихъ собственныя руки, должны особенно твердить крестьянину, что когда будетъ во всемъ его воля, то будетъ ему и земля, должны звать мужика Землей къ Волѣ и вести черезъ Волю къ Землѣ.

* * *

Сообразно съ этой новой нашей задачей, не только глубокой соціалистической пропаганды, не только мелкой агитаціи на почвѣ повседневныхъ нуждъ, но болѣе всего широкой политической агитаціи, — должны явиться и новыя формы ея осуществленія. Въ дополненіе къ тысячамъ экземпляровъ брошюръ, развивающихъ болѣе или менѣе полно нашу программу, требующихъ отъ крестьянъ извѣстной подготовки для полнаго ихъ усвоенія, мы должны разсѣять въ крестьянствѣ десятки и сотни тысячъ мелкихъ листковъ, въ которыхъ соціалистическій идеалъ былъ бы очерченъ лишь въ самыхъ общихъ и общепонятныхъ его элементахъ, и главнымъ образомъ въ связи съ идеей передачи народу земли, требованія же политической свободы и призывъ къ борьбѣ за нее были бы подчеркнуты въ самой простой, ясной и яркой формѣ, и которые при этомъ были бы прочтены и поняты самыми широкими массами крестьянства. А для этого рядомъ съ личнымъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ революціонеровъ устнымъ и печатнымъ словомъ на небольшіе кружки наиболѣе сознательныхъ, надежныхъ и хорошо извѣстныхъ крестьянъ, мы должны организовать въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ тайное, а иногда, какъ, напримѣръ, при демонстраціяхъ, и открытое распространеніе нашихъ листковъ среди всей массы крестьянства, особенно въ мѣстностяхъ,

наиболѣе къ тому подготовленныхъ (напр. среди сектантовъ, среди голодающихъ, въ районахъ аграрныхъ волненій и т. д.).

Вся эта новая работа требуетъ и новыхъ работниковъ. Въ то время, какъ кружковой пропагандой могутъ и должны заниматься тѣ наши товарищи изъ интеллигентовъ и изъ крестьянъ, которые постоянно живутъ въ деревнѣ и привязаны своимъ занятіемъ и условіями жизни къ одному мѣсту, — въ это время разбрасываніемъ агитаціонныхъ листковъ могутъ и должны заняться люди, располагающіе свободой передвиженія, а въ томъ числѣ и многіе городскіе интеллигенты и рабочіе. Всѣ эти новые работники частью уже созданы, частью все быстрѣе и быстрѣе создаются новымъ свѣжимъ духомъ послѣднихъ годовъ.

Десятки и сотни энергичной и смѣлой молодежи уже не удовлетворяются прежними осторожными и умѣренными пріемами пропаганды, а жадно хватаются за широкіе, хотя бы и рискованные способы агитаціи. Всѣ эти наши товарищи, глубоко охваченные революціоннымъ пыломъ, рвущіеся на живое, смѣлое, самоотверженное дѣло, найдутъ его не только въ уличныхъ демонстраціяхъ, въ разбрасываніи прокламацій въ театрахъ, и т. п., но и въ сѣяніи агитаціонныхъ листковъ по сельскимъ ярмаркамъ и базарамъ, въ телѣгѣ крестьянскаго обоза; въ котомки рабочихъ, въ окна опустѣвшихъ въ лѣтнюю страду крестьянскихъ избъ и т. п. Повсюду эта работа въ деревняхъ можетъ и должна идти рядомъ съ демонстраціями въ городахъ, а во множествѣ мѣстностей, гдѣ еще не созданъ кадръ городскихъ рабочихъ, достаточный для дружныхъ, многочисленныхъ, внушительныхъ демонстрацій, такое сѣяніе агитаціонныхъ листковъ въ крестьянствѣ является чуть ли не единственнымъ цѣлесообразнымъ приложеніемъ силъ для большинства товарищей, которыхъ проснувшаяся боевая энергія и революціонное дыханіе нашего времени властно толкаетъ изъ узкихъ кружковъ въ ширь, на просторъ, въ самую гущу трудовыхъ массъ, уже пробуждающихся къ политической жизни, къ политической борьбѣ. . . .

Почти излишне пояснять, что вся эта новая работа не повредитъ, а поможетъ всѣмъ остальнымъ отдѣламъ революціоннаго дѣла. Когда въ 1873 г. пошли въ народъ около 1000 пропагандистовъ, то въ нихъ заключалась вся дѣй-

ствующая армія революціоннаго соціализма въ Россіи въ то время. Въ настоящее же время мы свободно можемъ выставить большіе отряды, нисколько не ослабляя себя на другихъ пунктахъ. Надо лишь привлечь тѣхъ людей, которые по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ даннымъ сравнительно менѣе цѣнны, какъ пропагандисты и организаторы среди интеллигентныхъ слоевъ и рабочихъ, но которые особенно пригодны для работы среди крестьянъ. Надо эксплоатировать лѣтнее время многихъ изъ учащейся молодежи, которое теперь у нихъ пропадаетъ даромъ исключительно только потому, что они хотятъ видѣть въ деревнѣ лишь лоно природы и закрываютъ глаза на населяющаго ее мужика. Надо отвлечь тотъ безъ пользы или даже со вредомъ для дѣла переваривающійся въ собственномъ соку избытокъ работниковъ, который постоянно скопляется въ нѣсколькихъ городахъ, излюбленныхъ административно высланными и другими выкинутыми изъ колеи революціонерами: прошли тѣ времена, когда въ темной и холодной Россіи слабыя горсти прогрессивно-революціонной интеллигенціи должны были жаться въ нѣсколькихъ центрахъ въ тѣсныя кучки для взаимнаго отогрѣванія; теперь накопилось уже въ Россіи столько культурнаго свѣта и революціоннаго жара, что не могутъ они безплодно погаснуть въ толщахъ народныхъ массъ, а могутъ лишь просвѣтлить и разогрѣть эти массы. Значитъ, пора намъ перестать скопляться на нашихъ привычныхъ штабъ-квартирахъ для безплоднаго тлѣнія, пора смѣло разсыпаться по всей русской землѣ для дѣятельнаго ея разжиганія . . . .

Такія же новыя силы откроетъ и используетъ великое живое дѣло революціонизированія крестьянства и въ тѣхъ глухихъ городкахъ, гдѣ энергія сотенъ административно-сосланныхъ нашихъ товарищей или вовсе спитъ, или затрачивается на безплодныя междуфракціонныя междоусобія. Въ этихъ глухихъ углахъ часто можетъ не быть годнаго для революціоннаго воздѣйствія слоя интеллигенціи и рабочихъ, но всюду есть крестьянинъ, жадно ждущій и ищущій просвѣтленія, и въ такихъ случаяхъ только революціонное общеніе съ нимъ внесетъ жизнь и радость въ тусклое и тоскливое существованіе этихъ расшырянныхъ и придавленныхъ рукой самодержавія нашихъ товарищей, только этотъ

посѣвъ революціонныхъ сѣмянъ тамъ, гдѣ самовластье ихъ думало заморозить, обратить это дѣло его рукъ на его же погибель, превратить даже и плѣнныхъ его враговъ изъ побѣжденныхъ въ побѣждающихъ....

Еще большаго прилива силъ мы ожидаемъ отъ расширенія и возведенія въ систему бѣгства и перехода на нелегальное положеніе революціонныхъ работниковъ, попавшихъ въ ссылку, въ тюрьму, подъ слѣдствіе. Такіе случаи бѣгства изъ плѣна въ ряды дѣйствующей революціонной арміи уже и теперь съ каждымъ годомъ, чуть не съ каждымъ мѣсяцемъ, все учащаются и будутъ учащаться, ибо они психологически неизбѣжны при ускореніи темпа борьбы, при приближеніи побѣды. Несомнѣнно, что многіе изъ этихъ, испытанныхъ и сжегшихъ за собою корабли борцовъ революціи, найдутъ удобныя условія, гарантирующія долговѣчность и продуктивность работы, также и въ деревнѣ на работѣ, которая требуетъ безпрестаннаго передвиженія преимущественно по мелкимъ городамъ и крупнымъ селамъ, гдѣ до сихъ поръ полицейскій надзоръ далеко отсталъ отъ надзора въ крупныхъ городахъ, гдѣ благодаря этому даже небольшая группа энергичныхъ и умѣлыхъ людей можетъ при современномъ напряженномъ настроеніи крестьянства достичь большихъ результатовъ при небольшихъ сравнительно жертвахъ....

Но самый главный доводъ за достаточность нашихъ силъ, для быстраго и широкаго революціонизированія крестьянства, заключается въ той подготовленности для нашего воздѣйствія мысли и настроенія крестьянъ, которая съ такой необыкновенной яркостью выказалась въ волненіяхъ въ Малороссіи и которая награждаетъ самыми пышными всходами почти каждый даже самый бѣглый и слабый революціонный посѣвъ. Мы, основываясь на рядѣ разнообразныхъ опытовъ, категорически утверждаемъ, что въ настоящее время деревня даетъ революціонеру быть можетъ ничуть не меньшій процентъ на затраченный имъ духовный капиталъ, чѣмъ фабрика Скупиться на вклады въ такое прибыльное дѣло, когда при затратѣ одного агитатора изъ интеллигентовъ являются десятки агитаторовъ изъ крестьянъ, было бы болѣе чѣмъ неразсчетливо....

Погружаясь въ глубины крестьянскаго моря, мы какъ бы

опускаемъ кристаллъ революціонизма въ растворъ, пересыщенный для революціонной кристализаціи. Можемъ ли мы при этомъ бояться недостатка силъ, имѣемъ ли право медлить съ этимъ животворнымъ началомъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Дружнымъ и быстрымъ натискомъ революціонныхъ идей въ деревню мы добьемся такихъ же блестящихъ побѣдъ, какъ тяжелы были 30 лѣтъ тому назадъ въ той же деревнѣ наши пораженія!

* * *

Но наша задача заключается не только въ томъ, чтобы въ нѣкоторой степени привить крестьянству наши идеи и чтобы поднять до извѣстнаго уровня его революціонное настроеніе, но также и въ томъ, чтобы по мѣрѣ выработки въ крестьянствѣ революціонной энергіи немедленно и безпрерывно упражнять ее въ дѣйствіи, давать ей наиболѣе цѣлесообразный исходъ. Въ этомъ случаѣ мы опять таки должны постараться, какъ можно большую долю этой энергіи перевести изъ узко-экономическаго русла на главное колесо нашего движенія въ настоящій моментъ, — на борьбу за политическое освобожденіе.

Первое дѣло, на которое сами собой должны направиться усилія затронутыхъ пропагандой и атитаціей крестьянъ, состоитъ, разумѣется, въ тайной ихъ организаціи — въ созданіи тайныхъ крестьянскихъ кружковъ, „братствъ“, „комитетовъ крестьянскаго союза партіи“ и т. п. Эти крестьянскія организаціи первой своей цѣлью имѣютъ возможно быстрое саморасширеніе, чтобы возможно скорѣе ихъ сѣтью покрылась вся Россія и чтобы ихъ участники и имъ сочувствующіе составили бы замѣтный процентъ крестьянскаго населенія. Но помимо этого, каждая такая тайная революціонная крестьянская организація, какъ только вполнѣ упрочится кадръ ея сознательныхъ главарей и достаточно расширится кругъ ея вліянія на полусознательныя массы крестьянства — должна проявлять себя и въ цѣломъ рядѣ дѣйствій, какъ легальныхъ и полулегальныхъ, такъ и нелегальныхъ.

Прежде всего крестьянскимъ революціоннымъ братствамъ

необходимо добиваться вліянія во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ, стараться проводить своихъ людей на выборныя общественныя должности, объединить крестьянъ на различныхъ совмѣстныхъ культурно-просвѣтительныхъ и другихъ общеполезныхъ начинаніяхъ, развивать ихъ самостоятельность, сознаніе своихъ правъ и интересовъ и сплачивать крестьянъ въ упорномъ ихъ отстаиваніи отъ всякихъ на нихъ покушеній, а особенно въ смѣлой, рѣшительной борьбѣ противъ самовластья администраціи.

Затѣмъ, хотя мы не думаемъ, чтобы при современныхъ политическихъ условіяхъ крестьянство могло добиться мало-мальски *серьезнаго* и *общаго экономическаго подъема*, но мы вводимъ въ свою программу, какъ одно изъ главныхъ средствъ повседневной дѣятельности, непосредственную экономическую борьбу трудового крестьянства противъ землевладѣльцевъ и представителей денежнаго капитала. Стачки земледѣльческихъ рабочихъ для повышенія платы и улучшенія условій труда, стачки арендаторовъ для облегченія условій аренды, уменьшенія арендной платы, бойкотъ противъ разныхъ притѣсненій кулака или *помѣщика*, — все это въ цѣломъ рядѣ случаевъ можетъ дать крестьянамъ извѣстный прямой выигрышъ, а, главное, подниметъ ихъ духъ и энергію, тѣснѣе сплотитъ ихъ, создастъ нѣкоторыя массовыя движенія, которыя легко будетъ направить на политическую революціонную борьбу, если съ самаго начала и во всѣхъ случаяхъ мы ни на минуту не будемъ упускать изъ виду нашей основной задачи: указывать общій источникъ всѣхъ частныхъ бѣдствій и неурядицъ крестьянской жизни въ основахъ существующаго строя.

Наконецъ, кромѣ этихъ хотя нелегальныхъ, но мирныхъ средствъ, мы съ самаго же начала предвидимъ для тайныхъ революціонныхъ крестьянскихъ организацій возможность, а быть можетъ неизбѣжность и насильственной вооруженной борьбы. Прежде всего къ этому можетъ привести самозащита отъ шпіоновъ, предателей, доносчиковъ, въ деревнѣ всегда гораздо болѣе опасныхъ, чѣмъ полиція; вирочемъ, въ этихъ случаяхъ наказаніе смертью представитъ, конечно, лишь рѣдкое исключеніе. Но мы предвидимъ, что и помимо самообороны въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ оказаться неизбѣжнымъ и наказаніе смертью напр., тѣхъ членовъ мѣстной

администраціи, противъ которыхъ особенно остра, всеобща и справедлива ненависть крестьянъ.

Послѣ очерченнаго перваго подготовительнаго, такъ сказать, инкубаціоннаго періода, въ теченіе котораго хотя кое-гдѣ создадутся тайныя революціонныя крестьянскія организаціи и подготовится замѣтная сочувственная имъ среда въ крестьянствѣ, могутъ начаться и открытыя массовыя и чисто политическія дѣйствія. Таковыми намъ представляются съ одной стороны извѣстные виды манифестацій, а также массовые коллективные приговоры крестьянскихъ общинныхъ и волостныхъ сходовъ съ различными требованіями въ духѣ нашего девиза „Земля и Воля“, какъ напр.: уравненія крестьянъ во всѣхъ правахъ съ другими сословіями, предоставленія всѣмъ свободы совѣсти, устнаго и печатнаго слова и общественныхъ собраній, созыва Земскаго Собора изъ выборныхъ отъ всего населенія для учрежденія постояннаго народнаго самоуправленія, коренной реформы финансовъ на пользу трудовыхъ слоевъ, широкой земельной реформы для перехода земли въ пользованіе трудящихся и т. п., а съ другой стороны, — отказъ отъ уплаты податей и воинской повинности до тѣхъ поръ, пока эти требованія не будутъ удовлетворены. Даже вполнѣ допуская, что въ ближайшемъ будущемъ невозможно будетъ поднять на такую борьбу большинство крестьянскаго населенія, мы придаемъ, однако, громадное значеніе тому, чтобы это произошло хотя въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Россіи въ тотъ уже не очень отдаленный моментъ, когда интеллигенція и пролетаріатъ начнутъ рѣшительный общій штурмъ противъ самодержавія. Въ такой рѣшительный моментъ даже и небольшое, но дружное движеніе хотя части крестьянъ при сочувственномъ нейтралитетѣ остальныхъ, будетъ имѣть огромное и моральное и матеріальное значеніе: самодержавію придется сдаться въ тотъ моментъ, когда войска потребуются одновременно и для городовъ, и для деревень, когда, какъ можно надѣяться, и сами войска устанутъ служить самовластью противъ народа....

* * *

Въ заключеніе этого обращенія мы еще разъ настойчиво подтверждаемъ всѣмъ, кто сочувствуетъ дѣлу соціальной

революціи въ Россіи, что „Крестьянскій Союзъ“ не только не отвлекаетъ и не обособляетъ всѣхъ входящихъ въ него работниковъ отъ общей революціонной борьбы, отъ объединенной революціонно-соціалистической партіи, но именно заполненіемъ крупнаго пробѣла въ общемъ дѣлѣ, какъ бы вставляетъ новое объединяющее звено въ боевую цѣпь революціонной арміи.

Не теоретическаго, не программаго только признанія необходимости революціоннаго воздѣйствія на деревню добиваемся мы отъ работниковъ революціоннаго соціализма въ Россіи. Мы зовемъ ихъ къ реальному дѣлу, а не къ бумажной отпискѣ: мы зовемъ ихъ къ непосредственному практическому разрѣшенію неотложной задачи, выдвинутой самой жизнью; — мы зовемъ ихъ, какъ соціалисты, почерпающіе силы въ тѣсномъ общеніи съ широкими массами всего трудового и угнетаемаго народа; зовемъ, какъ практики-революціонеры, отдающіе себѣ ясный отчетъ въ шансахъ борьбы и соотношеніи общественныхъ силъ; зовемъ, какъ политическіе дѣятели, понимающіе невозможность уклоняться отъ разрѣшенія выдвигаемыхъ жизнью новыхъ и новыхъ задачъ, замкнувшись въ какую либо одну излюбленную, узкую сферу дѣятельности; зовемъ, наконецъ, какъ живые люди, до которыхъ долетаютъ стоны многомилліонной массы крестьянства, которые видятъ попытки этой массы ощупью выбраться изъ окружающей ее политической темноты къ лучшему, свѣтлому будущему.

Мы надѣемся дѣйствовать въ самомъ тѣсномъ единеніи со всѣми родственными намъ по цѣлямъ и средствамъ уже выступившими группами, въ особенности же съ Аграрно-Соціалистической Лигой, которая заграницей первая возобновила работу для крестьянства и въ короткое время успѣла уже столь много сдѣлать на этомъ пути. Мы убѣждены, что живая, органическая связь между всѣми работающими въ одномъ и томъ же направленіи, на одномъ и томъ же поприщѣ дѣятелями, будетъ крѣпнуть все больше и больше, удесятеряя силы каждаго отдѣльнаго работника.

„Крестьянскій Союзъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ“ зоветъ въ свои ряды, на живое революціонное дѣло всѣхъ, кто понялъ необходимость, кто чувствуетъ въ себѣ силы и способность работать въ намѣченномъ нами направле-

ніи, чтобы дружными усиліями возможно скорѣе наверстать потерянное время и придать крестьянскому движенію ту сознательность и мощь, которыя лучше всего обезпечатъ успѣхъ великаго дѣла освобожденія, какъ самого многомилліоннаго крестьянства, такъ и всей вообще трудящейся и угнетенной Россіи.

Мы полагаемъ, что въ такое боевое время, какъ наше, всѣмъ, проникнутымъ единымъ духомъ, пора стереть всякія разъединяющія буквы, пора сойтись подъ однимъ знаменемъ, въ рядахъ одной боевой арміи революціоннаго соціализма. Эпоха существованія множества обособленныхъ группъ и организацій, эпоха кустарничества, эпоха кружковщины, эпоха раздробленія силъ принадлежитъ прошлому. Кличъ настоящаго — да здравствуетъ единая, широкая, могучая, идущая навстрѣчу всѣмъ запросамъ и требованіямъ жизни, соціально-революціонная партія!

БЕРНСК. ГРУППА
РОС. СОЦ.-ДЕМ. РАБ. ПАРТІИ